

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

«Добрый волшебник из детства»

(Исследовательская работа о жизненном
пути бывшего военного летчика Ленинградского фронта
К.Б. Довбня)

Автор работы:

Шипунова Ксения

Образовательное учреждение:

Саракташская средняя школа №3

Класс: 11.

Руководитель творческого

объединения СОШ №3

Яцура И.Г.

п.Саракташ 2009г.

Добрый волшебник из детства

Актуальность и значимость темы нашей исследовательской работы, к сожалению, возрастает с каждым годом все больше и больше. Если четыре года назад в Саракташском районе было 287 участников войны, то на начало этого года их осталось всего – 184 человека¹.

Не сложно проследить простую статистику предстоящих **5** лет с учётом того, что бывшим, даже самым молодым фронтовикам, сейчас уже далеко за **80** лет. Становится страшно и стыдно за нас «Иванов, не помнящих родства». Обидно, что мы не смогли их вовремя окружить той теплотой и заботой, которую они заслужили, а сколько информации, документов мы уже потеряли и сколько можем потерять. Ещё лет 7-8, максимум 10 и нам некого будет поздравлять с очередным юбилеем, а забытые и заброшенные куда-нибудь в ящик стола фотографии и документы, так и не раскроют больше никогда и никому свои тайны.

Исследуя жизненный путь бывшего фронтовика, единственного военного летчика нашего района – Константина Борисовича Довбня, мы убедились, насколько уникальна может быть жизнь даже одного человека...

Эта история началась пять лет назад, когда мы пришли к Фаине Ивановне Довбя - она обещала нам рассказать о кисетах, которые она, будучи 12-летним ребенком, шила для фронта – и в проеме открывшейся двери увидели знакомого с детства человека, похожего на волшебника. Это был муж Фаины Ивановны – бывший военный летчик, капитан в отставке.

Увлечение Константина Борисовича фотографией, о котором мы узнали именно в этот день, дало нам еще одно направление нашей исследовательской работы: мы не только организовали выставку фотографий фронтовика, но и выпустили первую в районе энциклопедию поэтов и писателей, в основу которой легли работы ветерана.

Простой деревенский мальчишка из хутора Белые горы, которого давным-давно нет ни на одной карте Саракташского района, в 17 лет окончил Чкаловское училище штурманов, затем обучение в 14-й школе пилотов в городе Горьком, где летали только ночью и бомбили на полигонах тоже ночью. В мае 1944 года, девятнадцатилетним пареньком, но уже в офицерском звании и с большим опытом полетов, он попал на фронт. В 1945 году войска 2-го Прибалтийского фронта, где служил К.Б. Довбня, были переданы Ленинградскому фронту За год совершил 92 боевых вылета. Константин Борисович награждён Орденом Отечественной войны II степени, 27 июня 1945 года был представлен к Ордену Красной Звезды, наградной лист был направлен в командование Ленинградского фронта (Приложение), но в связи с изменением места службы, награда так и не нашла своего героя...

¹ Данные получены в Центре социальной занятости.

60 лет пролежал наградной лист в райвоенкомате простым напоминанием, что когда-то человек был награжден, а то, что орден так и не был вручен – никто не знал. За давностью лет, сам фронтовик потерял надежду в восстановлении награды и в своих рассказах уже не говорит о втором ордене, боясь, что кто-то воспримет это, как его выдумку. А мы пятый год стучимся во все двери, буквально на всех уровнях, чтобы вернуть орден фронтовику. Я даже выходила с этой проблемой на прямую связь с В.В. Путиным, когда он был президентом, но ответа так и не получила...

Порой у нас опускаются руки. Константин Борисович, видя наши унылые лица, не раз говорил нам: «Спасибо вам большое, ребятки, но видно бесполезно, не мучайтесь, будем считать, что один орден у меня и все!». Нам так обидно слышать такие слова! Но почему нельзя ничего сделать! И вот когда мы уже почти совсем отчаялись вернуть орден герою, в этом году в выступлении президента Медведева услышали о том, что необходимо сделать все, чтобы, наконец, все награды дошли до фронтовиков. Это вновь вселило в нас надежду. Мы опять готовим запросы, а также собираемся на прямую выходить на самые высокие инстанции, чтобы завершить этот многолетний поиск.

А как хочется помечтать, что на 65-й юбилей Победы в Великой Отечественной войне фронтовик получит этот долгожданный орден, а мы, наконец-то, сможем смело посмотреть в глаза ветерана и сказать: «Нет, не забыла Родина своих героев. И не один у Вас орден, Константин Борисович, а два!».

В нашем поселке есть замечательный микрорайон «Газовики». Он знаком нам с самого детства, потому что там хорошая игровая площадка, спортивный клуб и аллея, по которой мы с подружками любили гулять. А ещё с той самой поры запомнился высокий седовласый дедушка с длинной бородой. Его внешность очень напоминала нам волшебника, только вместо волшебной палочки в его руках часто можно было видеть фотоаппарат. В то время никто из нас даже не мог предположить, что спустя несколько лет мы очень подружимся с этим человеком...

Каждый год наша школа проводит акцию «Рассвет», рано утром 9 мая мы поздравляем бывших фронтовиков с праздником Победы и вручаем цветы, открытки. А в юбилейном 2005 году решили изготовить собственными руками подарок для ветеранов, он должен был быть одним из тех, которые получали солдаты на войне.

Составили список предполагаемых подарков – это варежки, носки, платочки, перчатки, кисеты. Самым незнакомым из перечисленных предметов оказался кисет, поэтому решили выбрать его: и самим узнать, как он выглядел, и ветеранам приятное сделать.

Исследовательская группа приступила к поиску информации. В «Антологии художественных произведений о Великой Отечественной войне в двенадцати томах» нашли фотографии девушек и женщин, изготавливающих подарки для фронта², но описания кисета не было. В словарях нашли только такое определение: «Маленький мешочек для табака, затягиваемый шнурком»³.

Ни одного кисета не нашли мы в нашем краеведческом музее. Казалось бы, такой известный предмет, без которого не обходился ни один солдат на войне, а описание его через 60 лет уже практически утеряно. Кто-то из родителей подсказал нам, что в микрорайоне газовиков живет Фаина Ивановна Довбня. 65 лет назад, будучи 12-летним ребенком, она сама изготавливала подарки для фронта, в том числе и кисеты.

Итак, мы идем к Фаине Ивановне. Войдя в подъезд, и отыскав квартиру, мы увидели табличку: «Здесь живёт участник Великой Отечественной войны». Каково же было наше удивление, когда в открывшемся проеме двери мы увидели давно знакомого «волшебника» из нашего детства, оказывается муж Фаины Ивановны – бывший военный летчик, капитан в отставке.

Встретили нас очень радушно. Фаина Ивановна сразу принялась рассказывать нам о том, как шьют кисеты, но Константин Борисович остановил жену:

- Не торопись, Фаина, пусть гости присядут, и мы спокойно поговорим.

Фаина Ивановна побежала на кухню и через некоторое время принесла бокалы для чая. Мы отказывались, возражения не принимались. Правда, Фаина Ивановна сказала, что и ждала нас и нет: как-то договаривались о встрече учащиеся школы № 2, но они так и не пришли.

² Венюк Славы. Всё для фронта, т.9, стр. 179.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка, стр. 236.

- А я ждала, всё приготовила, - с сожалением говорит она.

- Вы нас с другой школой не сравнивайте, - ответили мы.

- Теперь я вижу, что вас ни с кем нельзя сравнивать, - рассмеявшись, сказала Фаина Ивановна.

Сидя за столом, мы рассказали Константину Борисовичу и Фаине Ивановне о том, что собираемся на базе нашей школы создать Центр по сбору информации об участниках Великой Отечественной войны. Для того чтобы собрать воедино весь семейный архив каждого фронтовика и оформить альбом Памяти, который в отличие от разрозненных фотографий, будет храниться на почетном месте в каждой семье, и его с гордостью будут показывать детям, внукам, родственникам, знакомым.

Выслушав нас, Константин Борисович надолго задумался, а потом сказал:

- Да, за большое дело вы взялись, а сможете, вам это по силам будет?

Мы ответили, что постараемся всё сделать, чтобы сохранить в памяти остальных поколений воспоминания о тех далёких событиях. Заметив наше упорство, Константин Борисович начал рассказывать о своём жизненном пути, но постоянно прерывал разговор, возвращаясь к нашим планам:

- Да, если у вас всё получится, это будет очень важное дело.

«17-го апреля 1925 года громким воплем я известил человечество о своем прибытии в этот мир, и попросил потесниться», – так начнет писать свои воспоминания по нашей просьбе Константин Борисович уже в тот самый вечер, когда мы были у них в гостях. И буквально через несколько дней первая тетрадь с описанием его жизни ляжет перед нами, а Константин Борисович скажет: «Ну-ка читайте, вдруг что-то будет не понятно». Я стала читать вслух, иногда останавливаясь, но не из-за того, что не могла разобрать подчерк, а удивляясь его необычному стилю изложения, оторваться от текста я смогла только перевернув последнюю страничку. Константин Борисович смотрел на меня с улыбкой: «Ну, как?» – спросил он. Я же ответила вопросом на вопрос: «А ещё напишите что-нибудь? Какие-то истории необычные, которые с вами произошли. У Вас так хорошо получается, как у настоящего писателя». Константин Борисович рассмеялся: «Спасибо! – сказал он. – Посмотрим. Пока!», – и забрав, кепку со стола, вышел из кабинета.

После этого Константин Борисович приходил к нам много раз, никогда не обещал, что принесет еще что-нибудь, а мы с нетерпением ждали его очередного визита и потом зачитывались его новыми произведениями. Так сначала появился «Фронтвой роман», потом – «Утренний туалет», затем «Зарисовки рыболова», которые он уже диктовал нам, а мы записывали, потому что последнее время у фронтовика начались проблемы со зрением.

Стиль Константина Борисовича настолько интересен, поэтому я не буду ничего менять в его воспоминаниях.

«Время – 17-ое апреля 1925 года. Громким воплем я известил человечество о своем прибытии в этот мир, и попросил потесниться.

Место – юго-западнее п. Саракташ. В 27км по направлению села Островное был хутор Белые Горы. Население хутора состояло из 30-40 семей, украинского поселения общей численностью 100-130 человек.

Насколько я догадываюсь, желанным дитем я не был, по счету я был тринадцатым, хотя на день моего рождения нас было пятеро. 3 парня и 2 девчонки. Остальные по разным причинам ушли из жизни младенцами.

До пяти лет припоминаются только цыпки на ногах и болезнь малярии – модной в то время.

Когда мне было 5 лет, в наш хутор прислали учителя, и в этом же году (1930) в хуторе была открыта школа с программой 4-х классов. Дело в том, что хутор был полностью безграмотным и 4 класса уже что-то да значили.

Андрей Степанович Кучеров (так звали учителя) как-то заприметил меня и начал загружать азбукой, а когда её я освоил, начал учить читать.

Подозреваю, что времени у него было достаточно, а желание читать у меня было очень большое, и до 6-ти лет я уже неплохо читал. Он меня загружал сказками, мать со всеми подружками, когда поняли, что в доме есть кому читать, где-то нашли Евангелие, - это была толстенная книга, в которой я не понимал написанного, но читал её по их требованию – псалмы от Луки, от Матфея и других святых, а они слушали и кивали головами. Чтение было вслух и я, в 6 лет, громко читал все, что попадалось под руки. Учитель начал мне привозить разные книги, фантастику. Где-то до 8-го класса я уже прочитал Гоголя, Тургенева, наизусть много помнил Некрасова, Лермонтова, а из Маяковского и сегодня помню много.

Конан Доиля, Майн Рида, Джека Лондона, Марка Твена брал сходу и помню сейчас.

Коллективизация сельского хозяйства, которая началась в Советском Союзе 1925-1927гг, нашла и наш маленький хутор. В 1930г хутор стал коллективным хозяйством (колхоз им. Ворошилова – наркома обороны СССР).

В силу того, что хуторок был небольшой, с коллективизацией справились быстро. Одного хуторянина (деда Дудко) раскулачили, как мироеда. Он был богат. У него в доме (только у него) были деревянные полы (у остальных земляные) и 2 быка. У кое-кого было по одному. Быков забрали в колхоз, деда куда-то с бабкой увезли навсегда. А в его домище разместилось правление колхоза. Итак, богатых не стало, бедных не убавилось.

Трудовую деятельность я начал с семи лет. В то время основной ударной силой Красной Армии была кавалерия. Вокруг нашего хутора были нетронутые луга и поэтому приняли решение, молодняк лошадей для армии готовить в нашем колхозе.

Верхом я стал ездить с 3-х лет. Отец был конюхом, а я с ним всегда рядом. Он меня сажал на лошадь, и я катался. К семи годам я отлично управлялся с лошадьми и меня закрепили смотрящим за табуном в 300-500 голов, дали молодую кобылицу, седло, и я целыми днями патрулировал стадо

молодняка, чтобы не потравили хлеба или другие посевы. За это мне отмечалось 0.25 трудодня.

Деньги за работу колхозникам не платили, а отмечали трудоднями. В конце года на количество трудодней выдавалась оплата в качестве зерна и овощей.

К 1937 году семья наша резко сократилась. Старшая сестра давно вышла замуж, братья, отслужив в армии, переехали в Саракташ, я и моя вторая сестра, которая была старше меня на 10 лет, с родителями еще какое-то время жили в хуторе. Отец стал прибалывать. Рабочих рук в колхозе не хватало и в 1937 году мы тоже переехали в Саракташ.

Старший брат в то время работал шофером на легковом автомобиле и возил председателя райисполкома. 1937 год помню как год, когда ежедневно в печати были сообщения об арестах «врагов народа». Как оказалось, в Саракташе и районе их тоже было много, председателей колхозов, руководителей поселковых предприятий, почти всех обозначили врагами народа, и их больше никто не видел.

Сегодня уцелевших их потомков называют «детьми репрессированных» и представляют им некоторые льготы. «Торжество справедливости!?».

Я упомянул, что старший брат работал шофером на легковом автомобиле. Так вот в это время автомобиль был прикомандирован в НКВД, которое и занималось разоблачением и нейтрализацией врагов народа.

Где-то за неделю он на этом автомобиле (ночами) свез всех врагов в НКВД, и потом как-то пришел и сообщил, что в эту ночь отвез последнего «врага» – своего шефа, председателя райисполкома. Да, НКВД и его нарком товарищ Ежов работали денно и ночью.

В 1938г с большими трудностями (для меня трудными были алгебра и геометрия) я закончил 8 классов. Далее учиться я не желал. Да меня к этому никто и не принуждал. Но в это время вышло постановление Совета Народных Комиссариатов о подготовке трудовых резервов СССР.

Мы жили в Саракташе, но значились еще за колхозом. Так вот, колхозам было предложено направить в ремесленное училище по несколько подростков с образованием 7-8 классов. В колхозе не стали ломать голову кого направить – я все равно там не жил, и не был тружеником хозяйства, поэтому направили меня. Родители не возражали, что со мной делать дальше не знали, а здесь такая удача. Так я попал в ремесленное училище города Орска, на Южно-Уральский Никелевый комбинат, и начал осваивать профессию металлурга-плавильщика.

Мне повезло. Училище было только организовано. Общежитие, питание, учебные классы – все было прекрасным. Адаптировался я быстро, а первое посещение плавильного цеха поразило размерами и белым ручьем текущего металла. Учеба и перспективная работа по плавке никеля, определенном смещении никеля с чугуном и сталью, получалась броня, которая придавала этой работе особое значение. Мы начинали работать на оборону.

Обучение у нас шло успешно, грамотные мастера, хорошее общежитие, питание, было достаточно много времени на самообразование. В начале 1941г мы, 16-ти летние парнишки, приступили самостоятельно варить металл и довольно успешно.

Война, начавшаяся в июне 1941г, сразу же сменила ритм жизни. Были отменены отпуска, стали трудности с продуктами. Основным продуктом стала пшенная каша и винегреты. В цеху выдавался стакан сметаны. Работать перешли на 4 смены по 6 часов, стали поступать конкретные заказы. Надо сказать, что работа плавильщиков высоко оплачивалась.

В лето 1941г был призван и направлен в танковое училище мой средний брат. Осенью призван старший брат, в 1940 году, зимой умер отец, и в начале войны мать осталась одна.

В начале самостоятельной работы я думал, что через годик поступлю в институт металлургии, но война внесла свои коррективы.

Осенью был ранен средний брат и отправлен куда-то в госпиталь, через месяц убит под Сталинградом старший брат, и в это время я уже мог видеть себя только на фронте. Вопрос стоял так – кто же, если не я!

Мне исполнилось 17 лет, и я начал наступление на призывной пункт, откуда меня все время прогоняли. Было 2 причины, по которым я не мог быть призванным. Еще не дорос, и вторая – все мы, работающие на плавке металла, не подлежали призыву. Мы плавил металл для танков и самолетов, и эту работу остановить было нельзя.

При комбинате были организованы курсы разных военных специальностей, главная из них – автоматчик. Красная Армия в то время была вооружена, в основном, винтовками еще Первой мировой войны, Германия своих солдат, в основном, вооружала автоматами, у нас же они еще проходили испытания.

Мои близкие друзья все взялись за изучение автоматов, а я ушел на курсы шоферов. Думал – буду возить снаряды.

Горвоенкомат меня провожал словами: подрасти, да и призывать тебя не велено, ты на броне. После нескольких заходов в военкомат я уже отчаялся, и вдруг однажды, придя с первой смены, на тумбочке у своей койки увидел повестку. К вечеру я уже рассчитался с производством, а на 2-ой день был уже на медкомиссии.

Куда нашу группу призывников повезут – мы не знали. Нас привезли в город Чкалов (Оренбург). И после очередной медицинской комиссии определили во второе Чкаловское училище штурманов. Так началась моя военная служба.

Штурман – это мозг самолета. Штурман – это расчет полета, горючего, боеприпасов, скорости и высоты полета, самолетовождение сориентированное по земле и звездам, прицеливание и бомбометание, фотографирование объектов и многое другое.

Честно говоря, было трудно, но нас торопили, мы нужны были на фронте. Полеты шли через день. День подготовка к полету, а завтра полет по маршрутам и обязательное бомбометание на полигонах. Редкая ночь

обходилась без тревог. Тревога – и ночью бегом на вокзал грузить бомбы, снаряды и другое имущество для фронта. Позавтракали, и, либо в класс, на подготовку к полетам, либо на аэродром и полеты. Вот так, в трудах и заботах пролетело время в Чкаловском училище.

Где-то весной 1943го была сдача экзаменов. Помню зачетный полет по маршруту – Оренбург – Соль-Илецк – Куйбышев – Оренбург. Самолет – двухмоторный скоростной бомбардировщик СБ.

Учеба закончилась. И хотелось бы отметить одно очень важное для меня событие. По окончании училища нужен обязательно ознакомительный прыжок с парашютом. И вот пришел тот день. Самолет Р-5, двухместный, меня поднимают на высоту 1200м, инструктор говорит: «Пошел!». Надо сказать, что прыжки с парашютом в то время значительно отличались от сегодняшних прыжков. Сейчас просто фалу на крюк и вперед. Сбоку, у тебя прикреплен автомат, который открывает сам парашют, если что-то с тобой случилось.

В то время нужно было выйти из кабины и пройти по направлению к хвосту 3 метра по крылу, потом вправо прыгнуть и в полете считать до 6-7ми секунд и только тогда отжать это кольцо и выдернуть его. Оставить самолет на высоте более километра и ринуться в пропасть – это, знаете ли. Когда делал эти 6 шагов по крылу и отделялся от самолета, мысль была одна – идиот, надо было идти в танкисты или пехоту, тогда землю покидать не надо было бы. Я пересилил страх, и на землю опустился уже совсем другой человек. Я ЭТО сделал!

За 20 лет летной работы я много раз покидал самолет и пользовался парашютом, но это было совсем другое.

В феврале 1943г нас около 70-ти человек, окончивших Оренбургское училище, направили в город Горький (Н.Новгород) в 14ю школу пилотов для обучения полетам и бомбометанию ночью. Летали в этой школе только ночью и бомбили на полигонах только ночью. На фронт я прибыл уже несколько подготовленный к ночным полетам. Об этом позже.

Начальником 14-ой школы был подполковник Пархоменко, сын легендарного полководца гражданской войны Пархоменко. Человек волевой и требовательный, мы его уважали. В это же время в эту школу, не знаю, откуда, привезли более 50-ти поляков, так же молодых, но постарше нас года на 2-3. Им было 22-23 года. Это были молодые польские офицеры, с большим апломбом и гонором.

Коридор в общежитии был общий, на вечерних поверках мы пели советский гимн, и они рядом пели молитвы. Столовая была общая, туалет на улице тоже. Но коридор (полы) мыли только мы, дрова пилили и кололи только мы, туалет чистили мы, даже на стоянку самолетов их возили на машине, мы ходили пешком. В баню за 10км один раз в 10 дней их на машине, а мы ножками. Поэтому симпатии к «союзникам» у нас не было.

Так вот, симпатии не было, а антипатии нарастали. И однажды кто-то из поляков высказался – «Фюрер ваш, т.е. Сталин, человек хреновый...», условий для них не создали, ну и в том же духе. Им многое прощалось, но

это уже вышло за все рамки. После этого высказывания он сразу же получил с правой и тут началось. «Вы, мерзавцы, жрете хлеб наших крестьян, наши солдаты готовят освобождение Польши от немцев, а наш «фюрер» вас держит в тылу и он же плохой».

Драка была красивой. Прибежал Пархоменко, и, не взирая на нации и принадлежность государство, раздавал и влево и вправо так, что быстро все поняли – победил он. В эту же ночь поляков куда-то увезли, и больше я о них не слышал. Но после окончания войны они гордо распевали песню «Войско польско Берлин брало, русске помогало». Вот так они обозначили свое участие в войне с Германией.

Всему предел на свете есть и эту школу я окончил.

В мае 1944г в составе большой группы самолетов я убыл на фронт. Я был распределен на 2-ой прибалтийский фронт в 15-ю воздушную армию в 701-й ночной бомбардировочный полк. Это было в поселке Идрица на границе с Латвией. Там началась моя работа. Должен сразу заметить – на амбразуры я не падал, и в гущу вражеских танков горящий самолет не бросал.

Потихоньку ночью летал бомбить передний край, а днем летал на связь по заданию штаба фронта. И так изо дня в день. Ничего особенного не происходило. Вопрос – было ли страшно – да было. Дело в том, что самолет за линию фронта летит не на прогулку. Всем понятно, что он несет смерть и не стреляет в него только совсем ленивый, поэтому каждый раз ожидаешь сюрприза.

Я уцелел, я дотянул до своей посадочной полосы, а многие не дотянули. Я считаю, что дотянул я не потому, что такой умный – мне просто повезло, видимо, такова моя судьба.

Между тем, события на 2-ом Прибалтийском фронте стремительно развивались. В результате мощного наступления, войска фронта в конце января 1945года вышли к Балтийскому морю на рубеже Либава – Кенигсберг, отрезав, таким образом, Курляндский полуостров Латвии от Германии. На полуострове оказались немецкие войска количеством где-то 260-280 тыс. человек. К этому времени в восточную, а позже и в южную часть Латвии вошел Ленинградский фронт. Войска 2-го Прибалтийского фронта были переданы Ленинградскому фронту с задачей не допустить выхода немецких войск с Курляндского полуострова. В выполнении этой задачи и участвовала 15-ая воздушная армия, в которой я служил.

В результате массированных ударов артиллерии и авиации сопротивление группировки было подавлено и в апреле 1945года практические боевые действия на нашем же Ленинградском фронте прекратились.

Где-то 24-26 апреля курляндская группировка капитулировала. На ленинградском фронте в Латвии война была окончена. 27 апреля мы уже отдыхали.

Так для меня закончилось участие в этой большой войне. В середине мая нашу часть расформировали и несколько человек, в том числе и меня,

направили в 8 запасную бригаду в город Казань для получения новых самолетов – пикирующих бомбардировщиков для перелета на Дальний Восток, там начиналась война с Японией. Но это уже другая часть моей службы.

На протяжении участия в войне я совершил 92 боевых вылета. В Казани на первой же мед комиссии по наличию ранения левой ноги я был временно от полетов отстранен.

Как молодой офицер, окончивший 2 авиационных училища, я не подлежал демобилизации из рядов Советской армии. Три года был использован на оперативной работе в штабе ВВС северного округа (Архангельск). После мед комиссии в 1948 года я был допущен снова к летной работе и назначен штурманом в отдельный разведывательный полк Ленинградского военного округа, в город Пыльцамо. В этой воинской части мне довелось прослужить до 1961 г. Когда первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев посчитал так, что боевая авиация советской армии больше не нужна, так как к этому времени на вооружение поступило достаточное количество ракет, способных выполнять как стратегические, так и тактические задачи.

В июне 1961 г наша воинская часть, как и другие авиационные части, была расформирована, а летный состав уволен в запас.

Так с 1961 г по 1981 г до выхода на пенсию мне довелось работать сначала в Ленинградской области на различных работах. С 1970 до выхода на пенсию я работал в Саракташе. В Саракташе я работал в качестве председателя ДОСААФ района, начальником штаба гражданской обороны».

Константин Борисович показал нам свою уже послевоенную «Летную книгу», где за 25 лет практически все вылеты были оценены на «отлично». На шкафу стоял неприметный с виду макет самолёта, но когда очередь дошла до него, Константин Борисович рассказал, что это макет того самого самолёта, на котором он летал в годы войны.

Константин Борисович награждён Орденом Отечественной войны II степени, 27 июня 1945 года был представлен к Орденом Красной Звезды, но в связи с изменением места службы, награда так и не нашла своего героя...

Сразу же после этого разговора мы обратились в районный военкомат, нашли наградной лист на имя К.Б. Довбня от 27 июня 1945 года, который пролежал в личном деле целых 60 лет! (Приложение). Сделали запрос в город Подольск. Стали мечтать о том, как 9 мая наш дорогой «волшебник» наконец-то получит свой заслуженный орден, но ни ответа, ни ордена мы так и не дождались...

Ответ из Архива Министерства Обороны РФ г. Подольска пришел почти через полтора года. К сожалению, данные там оказались устаревшими: и звание младший лейтенант, и награда всего одна. (Приложение). Мы нашли адреса еще двух архивов и опять просили военкомат сделать туда запросы. Ответы приходили снова с Подольска. В райвоенкомате на нас уже стали косо поглядывать, пока в открытую не объяснили, что мы их просто подставляем: получается, что военкомат до нас не доводит ответы, и мы продолжаем слать запросы. Нам пришлось отступить.

Хотя я сделала еще одну попытку. Была объявлена прямая линия с президентом В.В. Путиным, и я решила попросить его помочь или найти награду фронтовика, или вручить другую. Прямой эфир совпал с моим днем рождения, но у меня в голове крутились только те слова, которые я должна сказать президенту. Выходили на связь с кабинета завучей и все свободные учителя собрались здесь, чтобы поддержать меня, а если понадобится и самим вступить в разговор.

Очередное разочарование произошло сразу же, как только я поняла, что разговариваю с автоответчиком. И все-таки еще долго внутри теплилась надежда, что президент когда-нибудь прочитает или прослушает все вопросы, которые задавались ему в тот день, и ответит пусть даже намного позже. Прошло уже два года, больше попыток участия в прямом эфире я не предпринимала...

Константин Борисович, видя наши унылые лица, не раз говорил нам: «Спасибо вам большое, ребятки, но видно бесполезно, не мучайтесь, будем считать, что один орден у меня и все!». Нам так обидно слышать такие слова! Но почему нельзя ничего сделать! И вот когда мы уже почти совсем отчаялись вернуть орден герою, в этом году в выступлении президента Медведева услышали о том, что необходимо сделать все, чтобы, наконец, все награды дошли до фронтовиков. Это вновь вселило в нас надежду. Мы опять готовим запросы, а также собираемся на прямую выходить на самые высокие инстанции, чтобы завершить этот многолетний поиск.

Занимаясь поисковой работой, мы случайно узнали, что все родственники Константина Борисовича носят фамилию «Долбня». «А почему же у Вас вместо буквы «л» оказалась «в»? – спросили мы у него. И вот что он нам рассказал:

«Когда для прохождения дальнейшей службы, я был направлен в другую часть. Там при оформлении документов начальник строевого отдела по фамилии Береза, усмотрел ошибку в моей фамилии и вместо «л» поставил «в». Оформленные документы на вновь прибывшего, т.е. на меня, были направлены в вышестоящий штаб соединения.

Где-то через месяца 2-3 из штаба пришло подтверждение о зачислении меня в эту часть уже под буквой «в». Я об этом узнал только через полгода. Когда обратился с вопросом в строевой отдел, то его начальник объяснил мне просто. Что он сам с Украины и в том поселке, где он жил, под этой фамилией было очень много проживающих. И он посчитал, что, оформляя мне первоначальные документы, кто-то сделал в моей фамилии ошибку, а он ее исправил, и был весьма доволен этим. Тогда я к этому отнесся с безразличием».

Вот так мы и узнали, как потерялась буква «л» в фамилии Константина Борисовича, а многие и по сей день думают, что проживающие в Саракташе по фамилии Долбня, никакого отношения к К.Б. Довбня не имеют, хотя это все самые ближайшие его родственники.

Когда мы были первый раз в гостях у семьи Довбня, то заметили на столе фотографию рябины, простой рябины, которая растёт во дворе, но это была

такая красота, что мы не могли скрыть нашего восхищения. Константин Борисович, проследив за нашими взглядами, пояснил, что фотография – его хобби, особенно он любит снимать природу.

Увлечение фотографией, по рассказу К.Б. Довбни, началось с 1950 года. После войны служил в авиационной разведке, где приходилось не только управлять штурвалом, но и самому фотографировать объекты, а затем и обрабатывать отснятый материал. Постепенно втянулся в это дело.

Когда первый раз поработал с фотоаппаратом «ФЭД», показалось так легко и просто по сравнению с тем, что приходилось делать в разведке. С тех пор фотоаппарат стал неотъемлемой частью жизни Константина Борисовича. Много фотоаппаратов сменилось за это время, но предпочтение Константин Борисович отдаёт «Зениту». «Это самый лучший», - говорит он, - «им даже из космоса снимки делали».

Невозможно сосчитать, сколько замечательных кадров поймал своим объективом этот талантливый человек, и как мы позже убедились, почти в каждой семье большого шумного микрорайона «газовиков» есть фотографии, сделанные Константином Борисовичем. Увидев интересный момент, сфотографирует, а потом довольные ребяташки приносят домой готовые снимки: «Константин Борисович дал», - хвалятся они родителям. Почему-то даже маленькие дети всего городка как и 20 лет назад, так и сейчас, зовут его только по имени отчеству.

Мы хотели на этом поставить точку, но появилась ещё одна идея – организовать персональную выставку фотографий Константина Борисовича к 60-летию Победы у нас в школе, а, подумав, решили: организуем выставку в районном выставочном зале в кинотеатре «Мир» - пусть все познакомятся с творчеством талантливого фотографа.

На открытие выставки собралось много гостей из Оренбурга, из Кувандыка, фотографы, журналисты. Много хороших слов было сказано в адрес К.Б. Довбни. Мы видели, как непривычно такое большое внимание Константину Борисовичу, поэтому постоянно старались держаться поближе к нему. После открытия выставки еще долго не могли разойтись по домам, фотографировались, обменивались впечатлениями, а потом проводили Константина Борисовича до самого дома.

Выставка проходила целый месяц. Работники кинотеатра «Мир» говорят: «Много проходит у нас разных выставок, но столько много посетителей было только у Константина Борисовича».

3. Заключение.

Четыре года я занималась этой исследовательской работой, конечно, ко мне подключались то одни ребята, то другие, потому что с Константином Борисовичем просто интересно общаться, а им, после моих рассказов хотелось познакомиться с ним поближе. К.Б.Довбня теперь частый гость в

нашей школе и по решению Совета старшеклассников ему присвоено звание «Почетный советник школы».

Весь собранный материал о фронтовике мы передали в школьный музей. Туда же отдали и подаренные нам рукописи Константина Борисовича, летнюю книгу, а также дорожную камеру 1902 года выпуска. В музее по материалам нашей исследовательской работы оформлен стенд, посвященный К.Б. Довбня.

Взяв за основу прекрасные фотографии природы ветерана, мы подготовили к изданию первую энциклопедию поэтов и писателей нашего района. Один экземпляр подарили районной библиотеке, Книга пользуется большим спросом, Однажды даже нам, ее авторам, дали только под расписку и на два часа!

С привлечением профессионального дизайнера, мы разработали для Константина Борисовича альбом Памяти, где рассказали о жизни фронтовика и всех его увлечениях, вручили в день его рождения. Константин Борисович в тот же день пошел на почту и отослал по альбому своим дочерям, Работники почты потом рассказали нам, с какой гордостью он показывал им альбомы, прежде чем запаковать в конверты.

Мы понимаем, что своими силами просто не сможем оформить каждому фронтовику такие альбомы, поэтому стараемся рассказывать о них, показывать, как это можно сделать. Выступали с ними на областном этапе Всероссийской акции «Я – гражданин России». Ветеранам очень понравился такой вариант сохранения семейного архива. Принимали участие в Самарской Ярмарке инновационных технологий - альбом привлек внимание многих гостей ярмарки, но мы поехать туда не смогли из-за отсутствия денег.

Долго искали спонсоров, чтобы издать энциклопедию и альбомы, и, только в этом году дело сдвинулось с мертвой точки – нам решили помочь шефы – газовики и сейчас книги находятся в Екатеринбурге в объединении ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург», Это наша последняя надежда завершить начатое дело, ведь мы в этом году выпускаемся со школы.

Четыре года назад я первый раз принимала участие в Университетских школах научно-практической конференции «Горизонты науки и образования XXI века» с работой «Всем врагам назло», во время подготовке которой поняла, что мне хочется еще и еще рассказывать о таких людях, как мои герои: и тогда пришло решение стать журналистом. И вот спустя несколько лет, хочу сказать, что это решение не изменилось. Я разработала социальный проект детской районной ученической газеты «ДРУГ», вместе со старшеклассниками защитили ее областном этапе Всероссийской акции «Я – гражданин России», заняли второе место. И вот уже на протяжении 3 лет я являюсь редактором этой газеты. Мы принимаем участие во многих конкурсах, несколько раз нас приглашали в областной Дворец творчества детей и молодежи как корреспондентов «ДРУГа». Редакция газеты Южный Урал» наградила нас грамотой за . И, конечно же, практически в каждом нашем номере, а их вышло уже 37, мы рассказываем о ветеранах войны и труда.

В общем, за это время мечта стать журналистом давно переросла в реальное дело. Осталось только поступить в университет, получить образование и продолжить заниматься любимым делом, но только на более высоком профессиональном уровне.

Но это все немного позже, а пока снова приближаются праздничные мероприятия, теперь уже посвященные 65-летию Великой Победы. А перед нами по-прежнему лежит наградной лист Константина Борисовича от 27 июня 1945 года, как упрек о не сделанном очень важном деле, как напоминание, что еще многим и многим ветеранам необходима наша поддержка и внимание.

Использованные материалы:

1. Архивные документы семьи Довбня.
2. Архивные документы райвоенкомата п. Саракташа.
3. Архивные документы Министерства Обороны РФ г. Подольска.
4. Венок Славы. Все для фронта. Т. 9.